

состояния. Вот что пишет о китайской живописи известный китаевед В.В. Малявин: «Картины в позднесредневековом Китае оценивали, с одной стороны, по их неосознанному настроению, общей атмосфере, а с другой – по особенностям живописной техники, нюансам «игры туши» на бумаге, внеположным изображению как таковому. Предметное же содержание картины имело не большее значение, чем, скажем, сюжет в опере или балете». Восточное «трехсовершенство» снимает противоречие между формой и содержанием, между конкретным и абстрактным, что остается недостижимым идеалом в западной традиции.

А. И. Фелькин

Науч. рук. Г. А. Алексейченко,

канд. ист. наук, доцент

В. Д. СПАСОВИЧ НА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

На протяжении всей своей адвокатской карьеры В. Д. Спасович участвовал во всех крупных политических процессах своей эпохи: “193-х”, “20-ти”, “50-ти”, “14-ти”, “17-ти”, “22-х”, “деле о Германе Лопатине”, “долгушинцев”, “нечаевцев”, польской партии “Пролетариат”. Особенностью этих судов было то, что деятельность подсудимых до суда носила оппозиционный характер и была пропитана революционным духом. Эти процессы отражали сложную и драматическую борьбу в российском обществе эпохи реформ вокруг путей и форм прогресса, где радикальные круги выдвигали жесткие “формулы прогресса”, требуя их немедленной и максимальной реализации [1, с. 188].

Стратегию защиты В. Д. Спасовича можно свести к проведению на судебном процессе “плана максимум” или “плана минимум”. Для “плана максимум” было характерно: 1) разрушение доказательной базы обвинения и 2) отображение альтернативной картины произошедшего т. е. невинности своего подсудимого. Сущность “плана максимум” сводилась к следующему: разрушению показаний свидетелей (“процесс 21”); разрушению доказательств носивших вещественный характер (оппозиционные прокламации, листовки) в которых указывалось утопичность взглядов; попытке перекладывание вины на другого человека (например в деле польской партии “Пролетариат” с Ф. Ю. Рехневского на Л. С. Варынского); указанию проколов следствия (дело “193-х”). После всего этого “король адвокатуры” приступал к построению своей картины произошедшего [2, с. 13].

Для “плана минимум” было характерно приуменьшение действительной роли преступления и отображение утопичности идеологии подсудимых. Такая стратегия была присуща на процессе “москвичей” и “долгушинцев”. В. Д. Спасович в своей судебной практике всегда указывал на смягчающие обстоятельства подсудимых: их положительные стороны и молодость; отображению того, что подсудимые не знали про злые умыслы самой революционной организации и имели благие цели; указание на то, что подсудимые, что ни есть попали в не то место и не то время, а порой вовсе выполняли дружественную помощь; отображению того, что обвиняемые оказались орудиями в чужих руках.

Литература

1 Троицкий, Н. А. Царизм под судом прогрессивной общественности: 1866–1895 г. / Н. А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979 г. – 350 с.

2 Спасович, В. Д. Семь судебных речей по политическим делам (1877–1887) / В. Д. Спасович. – СПб.: Издательство В. Врублевского, 1908. – 237 с.